

канчивается в финале хватающим за душу аккордом.

Сама драматическая история о том, как невеликого ума, под пяткой у жены живущий деревенский пастух Терешко становится немецким прихвостнем и даже гордится и хвалится этим, а заставив всю свою родню поверить в это, оказывается храбрым патриотом, принявшим свою должность по приказу партизанского командования, — на первый взгляд представляется простой и ясной, а в чем-то даже детективной. Однако она дает материал для углубленного толкования сущности центрального персонажа, и умный артист не замедлил воспользоваться этим.

Главное, что дал артисту материал пьесы, ее жанр, — это резкое, без переходов столкновение двух стихий искусства — комической и трагедийной — едва ли не в каждой сцене. И Дуров ведет свою игру одновременно в двух планах.

В двадцатые годы выдающийся советский режиссер Таиров многое сделал для создания театра трагедии и арлекинады. Одни и те же актеры у него играли сегодня «Федру» и «Грозу», а завтра карнавальную оперетку «Жирофле-Жирофля». Гораздо трудней совместить такие разнополюсные начала в пределах одного спектакля и уже тем более — одной роли. Но результат оказывается поразительным. И здесь дело не в виртуозности, с какой артист Дуров меняет маски, а в том, что в эти моменты мы начинаем постигать некоторые существенные стороны человеческого бытия, где трагическое иногда принимает форму смешного, а высокое выглядит заурядным. Но только выглядит. История пастуха Тереш-

ТЕАТР

Две роли Льва Дурова

СКОРОПАЛИТЕЛЬНЫЕ актерские карьеры («А наутро он (она) проснулся знаменитостью») не так уж редки в нашем театре и кино. Однако есть в них какой-то элемент непрочности — минет несколько лет и уже вспоминают немногие: «Ах, да, это тот, который...».

Лев Дуров раскрывался на театре постепенно.

Я хорошо помню, как он начинал свою работу в спектаклях Центрального Детского театра. И вот в прошедшем сезоне исполнение им главной роли в спектакле театра на Малой Бронной «Трибунал» признано лучшим актерским достижением в Москве. Ну, а как невероятно трудно добиться такого признания среди множества великолепных актерских работ в столице, думать, объяснять не нужно.

Есть что-то глубоко справедливое в том, что такой успех пришел к актеру, переигравшему множество ролей мальчишек — русских, американских, индонезийских, имевшему диапазон ролей от царевича Федора в «Борисе Годунове» до Ренея в китайской сказке «Волшебный цветок» (как острит тоже тюзовский актер в прошлом Ролан Быков — до роли Третьего гриба во втором составе).

Но сегодня в нашу задачу не входит перечень былых трудов артиста. Перед свердловскими зрителями он в этот приезд показывает среди других работ две принципиально важные для его творческого уровня сегодня — уже упоминавшуюся главную роль в трагикомедии «Трибунал» и роль Тибальта в трагедии «Ромео и Джульетта».

Главной особенностью Дурова, как артиста, нам видится то, что в каждом типическом характере он подробно и тщательно разрабатывает и убедительно аргументирует индивидуальное, особенное, подводя под него фундамент полной жизненной достоверности. Обладая очень бытовой, земной внешностью, Лев Дуров особенно поражает нас вроде бы неожиданно тонкой и точной отработкой психологических деталей и соотношений.

В «Трибунале» А. Макаенка, поставленном режиссером А. Дунаевым, он играет колхозного пастуха Терю, ставшего при немцах старостой-полицаем. Удивительное впечатление, которое оказывает на зрителей эта работа, вызвано, с одной стороны, тем, что здесь артистом найдены особые, в чем-то не изведенные, в чем-то подзабытые нашей литературой и театром грани народного характера, а с другой — тем, что процесс развития и выявления подлинной его сущности неуклонно идет по нарастающему и за-

ки, каким его сыграл Лев Дуров, приводит и к мысли о том, что подлинному, глубинно народному характеру органически чужд деланный пафос, что геройство в часы смертельной опасности может выглядеть даже обыденным, что оно величественно не попой, а самим фактом самопожертвования. Героика в обыденном обличье... В результате возникает цельный и сложный характер русского крестьянина. В нем есть простота и мудрость, лукавая мягкость, терпеливость и внутренняя напряженная сила.

Пожалуй, еще более неожиданным (здесь уже с учетом сопротивления материала, вернее, традиционных его трактовок) оказалось решение Львом Дуровым, не без помощи режиссера Анатолия Эфроса, роли Тибальта, брата Джульетты. Смелый и неожиданный замысел спектакля во многом помог артисту, и он сумел найти в событиях пятнадцатой давности современную и близкую нам мысль.

Сначала был полный отказ от традиционных наслоений в этой роли. Дело в том, что Тибальта почти всегда играют в романтическом ключе: кровожадным брюнетом, демонической натурой, не ставящей в грош ни свою жизнь, ни тем более чужую. В этом есть свой резон, но Тибальт при таком прочтении становится незначительным как тип, как социальное явление, ибо в этом случае основа всех его мерзких поступков — дьявольски злобный характер, не более.

Режиссер и артист поставили перед собой задачу вскрыть более глубокую обусловленность жизни и смерти Тибальта и убедительно доказали, что Тибальт никакой не демонический храбрец, он просто любящий и умеющий подражаться, недалекий и чванливый мальчик, игрушка в руках высококвалифицированного негодяя и интригана главаря клана Капулетти. И фигура и белобрывость у этого Тибальта отнюдь не демонические, и забиячество не шикарное, а уж боев по всем правилам изысканной фехтовальной науки спектакль в принципе не допускает — нечего любоваться бойней. Поэтому Тибальт умирает, заколотый собственной шпагой так же неэффектно, как неэффектно он убил Меркуцио за миг до этого, и вот он лежит, маленький, скрюченный, пропавший ни за понюх табаку во имя гнусного честолюбия растленных аристократов.

Лев Дуров и здесь верен себе. Он не ищет театральной подчеркнутости (которая сама по себе не содержит ничего дурного). Просто он идет другим путем. Он копает глубоко, и находит его радости для искусства и для зрителей.

А. ТУБИН.

* * *

На снимке: Л. ДУРОВ.

Фото В. Степанова.